лось бы по 9 строк, применительно к изданию „Слова“ Тихонравова, т. е. вдвое меньше, чем позднее рассчитал В. Н. Перетц, не заметив при этом, что при предложенном им расчете строк на лист в одном из списков, предшествовавших мусин-пушкинской рукописи, нельзя объяснить возможность путаницы листов в этом списке, так как при таком расчете абзац, начинающийся словами „Тогда Игорь възрѣ...“ занимал бы не лист рукописи, а только одну страницу ее. Ошибка эта вскоре же была осознана самим В. Н. Перетцом, заявившим об этом печатно и таким образом подтвердившим правильность расчета Соболевского.[1]

Как бы то ни было, сама по себе указанная крупная перестановка, едва ли не единственная крупная, является совершенно оправданной с точки зрения смысловой и вполне объяснимой с точки зрения палеографической и должна быть, по нашему мнению, узаконена.[2]

Конструированный В. Н. Перетцом текст „Слова“ начала XV в., напечатанный по-славянски в верхней части страницы, не может претендовать на убедительность ни в отношении орфографическом, ни в отношении грамматическом и является весьма гадательным; что же касается грамматического и орфографического облика „Слова“, каким он должен был быть в рукописи XVI в., т. е. в мусин-пушкинской рукописи, и каким он показан в нижней части страницы, то следует

(1891 г.) В. А. Яковлев, видимо, не будучи знаком с соображениями Соболевского и независимо от него, предложил ту же перестановку, что и Соболевский, никак палеографически ее не мотивируя.

[1] В. Перетц. З приводу статті проф. Грунського. Зап. Іст.-філол. відд. УАН, кн. XIX, 1928, стр. 352.

[2] Подробнее в защиту этой перестановки см. в моей заметке „О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»“ („Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и стат., изд. АН СССР, 1950). Пользуюсь случаем, чтобы исправить собственные свои оплошности в этой заметке: 1) как следует из сказанного выше, вопреки моему утверждению в указанной заметке, соображения Соболевского о количестве перепутанных листов в одном из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому, и о количестве строк, приходившихся на лист этого списка, правильнее, чем соображения В. Н. Перетца; 2) приоритет в предложении перестановки в начале „Слова“ принадлежит не Яковлеву, а Соболевскому.

П. Л. Маштаков, вслед за Соболевским, предложил еще одну крупную перестановку в тексте „Слова“, мотивируя ее также спутанностью листов в списке, предшествовавшем списку Мусина-Пушкина: он полагает, что отрывок „Темно бо бѣ въ 3 день... А мы уже, дружина, жадни веселія“ по смыслу нельзя признать за продолжение ответа бояр и что он должен находиться там, где идет речь о бедствиях Русской земли, т. е. после слов „Уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче“ („К тексту «Слова о полку Игореве»“, ИОРЯС, 1921, т. XXIII, кн. 2, стр. 74—76). Но гипотеза Маштакова, сама по себе остроумная, во-первых, не диктуется в такой мере, как перестановка в начале „Слова“, требованиями логической последовательности (по смыслу допустимо и то расположение частей реконструированного Маштаковым текста, какое мы находим в мусин-пушкинском издании), во-вторых, при реконструкции Маштакова не получается совпадения того расчета листов и количества строк в них, какой очень правдоподобно установлен Соболевским для одного из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому.